

АКТЕР
ДИАЛОГ

Поэта Александра Панкратова-Черного уже подстерегает свой Дантес

А С ЧЕГО ВЕСЕЛИТЬСЯ?

Он постоянно отвлекается. На гостей, сменяющих друг друга с невероятной скоростью. На сына, без конца импровизирующего на рояле что-то блюзово-рок-н-рольное. На кота, на телефон, на фотографии родственников и картины друзей. Лирические минуты актер посвящает чтению стихов: нахлобучивает на нос очки, достает исписанные тетрадки и, закончив, всякий раз интересуется: «Ну как?.. То-то же!»

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Александр Васильевич, я слышала, что вы автор настоящей молитвы. Это правда?

— Истинная правда. У Бориса Хмельницкого есть очень талантливая сестра Луиза, которая придумала музыку на мои стихи. Эту молитву исполнил Иосиф Кобзон на открытии храма Христа Спасителя. Я, конечно, горжусь, что за это меня наградили орденом Святого Владимира, но огорчен, что ничего не дали Луизе.

— Так вы настоящий поэт, без шуток?

— Какие могут быть шулки! Стихи пишу с самого детства. Вот сегодня ночью накалякал сразу несколько штук. Хотите послушать?

*Я вспоминаю: ты со мной,
и у тебя на белом платье
и счастье все, и то распятое,
оставшееся за спиной.*

*Не уходи, постой, я рядом,
я взглядом бросился во тьму.
Упал, ударившись, с оградой,
и неизвестно почему.*

*Ушел туда, где наливают.
Тебя не знают, а меня
поэтом русским называют
и пьют за окончание дня.*

*Прости, что я так провалился,
но не прославился. А ты
смотри: я к стенке прислонился.
И нет в пространстве пустоты.*

Ну как?.. То-то же! У меня вышло уже несколько книг. Как шутит драматург Володарский, Панкратов-Черный написал больше, чем прочитал. Белла Ахмадулина иногда меня укоряет, говорит: «Саша, ты глагол с глаголом рифмуешь». А я ей отвечаю: «Это не стыдно, если подказано чувством». «Любить-убить» можно и нужно рифмовать, если говоришь сердцем.

— Не стесняйтесь тривиальностей?

— Белла как-то назвала мою поэзию дикой. Стихи у меня и правда особые — грустные, как бы из-за околицы. Я же не предполагал, что стану поэтом! Просто меня выбросило за околицу. Упал и подумал: а что, может, это и есть мое место? Прошли годы, и Римма Казакова приняла меня в Союз писателей. А недавно со мной случилось несчастье: я создал нечто, чего сам от себя не ожидал. Среди ночи позвонил Белле и говорю: «Белла, я написал что-то невероятное». «Ну, почитай». Я прочитал ей два четверостишия, она послушала и сказала: «Ищи, Саша. Где-то для тебя уже живут твой Дантес и твой Мартынов». Понимаете? Получается, что теперь я, как Пушкин и Лермонтов, должен ждать своего убийцу.

— А кто ваш кумир среди поэтов?

ник? Это змея, которая удавит дядю! Пушкин гений звукоочетаний. Я читаю его, как Чайковского по нотам. Вы понимаете? Никто об этом не подумал, а Панкратов-Черный — пожалуйста!

— От скромности вы не умере.

— Это точно! Замечательный дирижер Валерий Гергиев был однажды у меня в гостях, и я допился до такой степени, что учил его дирижировать. Он мне говорил: «Саша, у меня так не получится», а я ему: «Учись!» Когда очнулся, подумал: господи, что ж я такое вытворял?! Было очень стыдно. Но главное, что мы с Валерой понимаем друг друга — о чем я говорю в поэзии, о чем он говорит в музыке.

— Почему же, будучи таким серьезным человеком в жизни, в кино вы играете весельчаков-баггуров?

— Кино моя профессия, и я делаю то, что надо зрителю. Мое истинное самовыражение — поэзия. Мир, куда никто никогда не войдет, где мне никто не будет надоедать.

— Свободная зона?

— Сейчас да. А в свое время меня за стихи исключили из университета. Было одно стихотворение, которое студенты распространяли в списках. Меня очень долго вычисляли. В конце концов достали, и я стал

том, она была уже на пятом месяце. Очень сильно переживала! Ее я успокоил, а себя не смог. Сел как-то на подоконник и увидел, что ко мне приближается асфальт. И подумал: почему бы не прыгнуть? Но хозяйка квартиры, которую мы снимали, успела схватить меня за плечи. Все умерло, пролетело, с Ирочкой мы расстались. После института нас с ней разлучили — она работала в Симферополе, а я — в Пензе. И ей ее друзья (в гробу я видал таких друзей!) сказали, что у меня роман на стороне. А она, оказываясь, была уже беременна Светкой. Мне не говорила, потому что боялась, вдруг опять выкидыш. И только спустя 13 лет я узнал, что у нас дочь.

— Если ваша страсть — поэзия, почему же вы пошли в артисты?

— Моя мама хотела, чтобы я стал военным. У меня ведь все предки военные, четыре поколения служили государю императору. Да я, кстати, и сам почетный генерал-майор донского казачества с правом ношения формы и оружия. Представьте, как все удивится, если Панкратов-Черный пойдет по Тверской в генеральской форме с шапкой! И по материнской, и по отцовской линии у меня все казаки. Почти все служили Врангелю, Колчаку, многие сидели в сталинских лагерях. В том числе и мама. Ее реабилитировали только в 59-м. Помню, как она мне говорила: «Санка, не пиши стихи!» А незадолго до смерти спросила у меня: «Санка, ты стихи пишешь?» «Пишу, мам». — «Санка, ведь это может так плохо кончиться!» Наверное, поэтом я и не стал профессиональным поэтом.

— А отец?

— Отца я не помню. Он рано застрелился, мне шел всего третий годик. Помню, какой-то хлопок, я выскочил в белой сорочке и штанишках, а мама затолкала меня обратно в спальню. Потом, когда повзрослел, узнал, что в тот день произошло. Дедушку расстреляли, а от отца потребовали, чтобы он отказался от своих родителей и написал, что наш дед враг народа. Отец подумал-подумал и застрелился.

— Вы помните, какой женщине какое стихотворение посвятили?

— Ха-ха! Я, конечно, хулиган, но мне очень нравится, что каждая жена присваивает мои стихи себе. Они сами уже запутались и

не знают, кому я что посвятил. Ловят мои строфы как осенние листья с опавшей березы. И каждая считает, что это принадлежит ей. А листьев на березе остается все меньше и меньше.

— Последний вопрос. Мы с вами сидим уже не первый час, а гости приходят, гости уходят, появляются новые. У вас в доме всегда так?

— К сожалению, всегда. Иногда мне хочется побыть одному, поэтом ночью я гуляю по городу. Хожу и вижу московскую жизнь: проститутки,

альфонсы, менты. Покойный Анатолий Ромашин подарил мне шапку с большими полями, и я всегда ее надеваю, когда хочу, чтобы не было видно лица. А ко мне подходят, чтобы избить! «Кто ты такой, — говорят, — мы тебя не знаем». И только когда я приподнимаю шапку, извиняются: «Простите, мы ошиблись. Думали, чужой». Мои друзья все еще удивляются, почему я пишу грустные стихи. А я, как детдомовский мальчик, отвечаю им: «А с чего веселиться?»

7 июня 2001

Панкратов-Черный Александр